

Бернардин Эваристо

Mr. Loverman

Перевод Светланы Майоровой

16.

Искусство молчания

14 сентября 2010 года

Позднее утро, середина недели, мы уютно устроились за кухонным столом и тихо, мирно читаем. До нашей обычной вылазки в Дальстон на обед остается около часа, когда я слышу, как в замочной скважине поворачивается ключ. Как вы думаете, кто лебедем влывает в парадную дверь в сопровождении Донны, которая тащит чемодан «мечта иммигранта» размером в человеческий рост?

Бог ты мой, что же случилось с женошкой? Я едва узнаю ее.

Пока она идет по тому самому коридору, где десятки лет разыгрывались драмы в стиле Уокера, я замечаю, что она не только держится несколько прямее обычного, но и намного меньше хромает.

Более того – над всем образом моей жены как будто поработали руки мастера, удаляя все лишнее, освободив и проявив черты женщины, которая, видимо, скрывалась глубоко внутри.

Ее глаза теперь кажутся больше, блестят, источают сияние.

Лицо покрыто ровным загаром и тоже светится.

Неужели стали видны скулы?

И ее волосы. *Вот так штука!* Когда я впервые встретил Кармел, она распрямляла волосы горячей расческой, став старше, она их красила. От всех этих испытаний ее волосы стали редеть раньше времени, и тогда она надела парик.

А сейчас, только посмотрите – *сама естественность*, и, должен сказать, выглядит чертовски привлекательно: вся голова в чудесных мелких завитках.

И ей это действительно идет. Женушка выглядит элегантно, кроме того, такая прическа делает ее моложе.

Я встаю, когда она входит в кухню, одетая в просторный белый балахон, вышитый синими ромбами, и белые льняные брюки, ниспадающие на парусиновые сандалии на высокой платформе. *Неужели каблуки??*

На ней браслет из бирюзы и *серьги* в форме капель. *Помада...лак на ногтях!*

И куда делись отвратительные синтетические брюки с поддетыми под них чулками? Шум и шорох ее одежды были слышны за милю.

Сейчас она выглядит так, что я мог бы пройти мимо на улице и не узнать ее.

И скаких это пор она носит сумочку на плече? В выборе фасона сумок Кармел всегда подражала Ее Королевскому Величеству.

Я не останавливаю Мориса, который удаляется из кухни – молча, дипломатично, предусмотрительно прихватив с собой пару книг.

Мы остаемся лицом к лицу.

Я стою у окна, слушаю стук дождя снаружи и спрашиваю себя – не собирается ли она меня туда выкинуть.

Она смотрит, как я разглядываю ее, наслаждаясь моим изумлением от знакомства с ее новым образом.

В ней не чувствуется ни злости, ни боли. Она выглядит... *уверенной... прекрасной.*

Я много раз репетировал свою речь, но сама мысль произнести ее сейчас...

Это не та женщина, с которой я собирался разводиться. Кто же она?

Донна, в деловом черном брючном костюме, замерла, как часовой, загораживая выход с кухни.

Лучше бы она делась куда-нибудь, мне действительно нужно побыть тет-а-тет с ее матерью.

Как будто прочитав мои мысли, Кармел говорит:

– Спасибо за помощь, Донна, а сейчас оставь нас одних. Я вполне могу разобраться с ним сама.

Что? Это со мной будут разбираться??

– О'кей, – неохотно ворчит ее сторожевая собака, не желающая пропускать представление. – Увидимся позже.

Она подходит к матери, чмокает ее в щеку.

Выходя, ухмыляется мне так, словно собирается вернуться и помочь матушке паковать куски моего тела в черные мешки для мусора, чтобы потом закопать их в саду под покровом темноты.

В этот момент я понимаю, что оказался в ловушке – если Кармел бросится на меня с ножом, путь к спасению отрезан здоровенным кухонным столом.

Впрочем, это то и странно, – не похоже, что Кармел хочет выпустить мне кишки.

– Сядь, Барри.

Я делаю, как она велит. Она усаживается с другой стороны стола, держится очень прямо.

– Отлично выглядишь, Кармел.

– Это еще слабо сказано, да?

– Вообще да, выглядишь превосхо...

– Я знаю, как выгляжу, Барри. Мне не нужно, чтобы ты мне что-то говорил. Но есть кое-что, что я хочу сказать тебе...

Она смотрит на меня в упор, но к этому мне не привыкать – разве что от нее исходит не возмущение, а что-то другое. Жалость? Она что – жалеет меня?

– Кармел, – говорю я, понимая, что лучше мне вставить слово перед тем, как начнет говорить она. – Я знаю, что ты уже какое-то время несчастлива. Нам обоим было одиноко в этом...

– Барри, – она резко обрывает меня, – Заткнись.

Она дожидается, пока мой вид становится, на ее взгляд, достаточно виноватым.

– Вопреки твоим выводам, у меня все отлично, даже более чем отлично.

Она медлит, перебирая браслеты на запястьях. У нее бирюзового цвета ногти – длинные, хорошей формы, явно после маникюра.

О чем это она?

Дождь теперь барабанит в окно, напоминая, что лето оставило нас, и зима уже не за горами.

– После похорон я задержалась, чтобы разобраться с делами папы. Он все оставил мне, своему единственному ребенку. Будь спокоен, мой юрист отвадит всяких стервятников.

Она морщит и скребет нос, разрушая свой новый образ.

– Так вот, о юристах. Я вернулась, чтобы окончательно покончить со своей жизнью здесь и начать все заново там. Ты никак не ожидал такого поворота, да?

Первое, что требовалось, это, как говорит Донна, «вооружиться юристами», потому что я начинаю бракоразводный процесс, и ты так просто не отделаешься.»

Снимает обручальное кольцо – она похудела, и кольцо легко соскальзывает с пальца. Щелчком отправляет его катиться вдоль стола, и кольцо замирает, падая, прямо передо мной. Я к нему не притрагиваюсь.

– Я там встречалась с Одеттой. Ты же всегда говорил - если женщины встречаются, они сплетничают.

– Она мне сказала, что я должна простить – так же, как простила она. *Непрощение – это яд, который мы сами пьем каждый день, надеясь, что умрет от него наш обидчик,* – так она мне все время говорила. Что же, я работаю над этим. Да, я стараюсь, потому что в тебе сидит болезнь, и ты ничего не можешь с этим поделать. Но это тяжело, Барри. Это очень тяжело. Потому что я вижу это так – пятьдесят лет ты предавал меня и лгал мне. Все было так очевидно, прямо на виду, но я ничего не замечала. Барри, как же плохо мне было, когда я поняла, что впустую потратила всю свою сознательную жизнь. Одетта говорит, ты подарил мне двух дочерей, поэтому не все впустую, но она ошибается.

– И вот, что еще я узнала: слухи про тебя ходили еще в школе. И когда ты на мне женился тоже – в этом то все и дело, правда же? Пятьдесят лет с человеком, который использовал меня, чтобы прикрывать свои мерзкие делишки, который сделал меня посмешищем. Как ты думаешь, что я при этом чувствовала?

Она встала без обычного кряхтения и одышки, чтобы взять стакан воды. Кармел? Вода?

– И вот еще что, Барри. Я теперь не одна. Так что не начинай про одиночество. Помнишь Хьюберта из школы? Само собой, помнишь, ведь это у него ты меня увел. Так вот, он вернулся в мою жизнь, и у нас с ним все отлично. Даже лучше, чем отлично. Ага, опять шок для тебя, да? Он доктор наук в Гарвардском университете в Вашингтоне, преподает математику. И он уже не тощий подросток шестнадцати лет. Он выше ростом, чем ты, худее, чем ты, у него больше мышцы, и еще он не лысый.

Она отмечает все, что отражается на моем лице – уверен, что это сейчас открытая книга.

– Я возвращаюсь к нему. Моя жизнь здесь закончена. Не беспокойся, я не собираюсь трясти повсюду грязным бельем. Какая мне от этого польза, так ведь? Зачем всем рассказывать, какой я была дурой?

– Донна берет пару недель отпуска, чтобы помочь мне. Я буду приходить в 10 часов утра каждый день разбирать вещи, и лучше бы тебя здесь не было – ни видно, ни слышно. На следующей неделе я пришло упаковщиков – и тогда тебе тоже лучше убраться. Не бойся, я не собираюсь обдирать этот дом, символ 50 летней убогости.

– И та пластинка Джима Ривса, над которой ты так издевался. Соглашусь с тобой. Не дождусь, когда смогу пройти по ней молотком. Тебе еще повезло, что я не бросаюсь с молотком на тебя, но ты не стоишь пожизненного приговора. Я свое уже отсидела.

– Я не хочу видеть тебя или говорить с тобой больше, – разве что ты опротестуешь развод. Но этого ты не сделаешь.

– Кармел, Кармел, дорогая, я...

– Заткнись. Ты больной человек, Барри, и единственный, кто сможет тебе теперь помочь, это Господь Бог.